

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Бакиров В.С.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ И ОБЩЕНИЕ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

Статья посвящена проблемам социального познания и общения, которые исследуются с учётом особенностей XXI века. В работе дана характеристика постиндустриальной цивилизации и её влияния на социальное познание и общение. Основной их задачей является совершенствование жизнедеятельности личности и общества, приёмов и методов изменения рационально организованной социальной реальности.

Стаття присвячена проблемам соціального пізнання та спілкування, які досліджуються з урахуванням особливостей XXI сторіччя. У роботі зазначена характеристика постіндустріальної цивілізації та її впливу на соціальне пізнання. Основним завданням пізнання є розробка технології діяльності, сукупності конкретних заходів, методів зміни раціонально організованої соціальної реальності.

The article concerned with the problems of social investigation and communication, that explained under the special circumstances of XXI century. The characteristics of postindustrial civilization and its influence on the social investigation are defended. The main aim of cognition is the development of the technology of actions, aggregation of concrete actions, the methods of changing of the rationally organized social reality.

Мир, в котором мы оказались в начале XXI века и, собственно, в начале постиндустриальной эпохи, трудно предсказуем, хаотично структурирован, постоянно создаёт новые, ранее неизвестные, ситуации социального поведения и общения. Мы переживаем грандиозную социальную революцию, неуклонно ведущую к отрицанию структур и механизмов социальных трансформаций, подготовленных «промышленной революцией». Машинное производство вызвало к жизни новый тип цивилизации, вошедший в мировую философскую и социологическую литературу под названием «индустриальное общество». Личные отношения превратились в обезличенные социально-функциональные связи. «Корпоративный» человек преобразовался в относительно свободную от социальной группы личность. Получили невиданное распространение стандартизация и массифицирование стилей жизни и стилей мышления. Материальные ценности возобладали над духовными. Установился приоритет объективного над субъективным, безличных социальных структур над живой человеческой деятельностью.

Сокровенный смысл индустриальной цивилизации в том, что она подчинила общественную жизнь принципам функционирования гигантского механизма. Л. Мэмфорд относил возникновение социальной Мегамшины уже к временам древних цивилизаций. Однако именно индустриальная эпоха довела до логической завершенности этот способ организации человеческой жизни¹.

¹ Бюрократия Египта, Римской империи, – писал К. Ясперс, – лишь подступы к современному государству с его разветвленным чиновничьим аппаратом. Все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, т. е. должно обладать точностью, предначертанностью действий, быть связанным внешними правилами. Самое большое воздействие оказывает наибольшая и разработанная с наибольшим совершенством машина.

Следствия этой машинизации проистекают из абсолютного превосходства механической предначертанности, исчисляемости и надежности. Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели.

В мировоззренческих структурах индустриализма природа так же, как и общество, предстает в виде объекта упорядочения и организации, преобразования и дальнейшего совершенствования. Принцип господства над природой здесь неотделим от принципа господства над обществом, над социальными обстоятельствами и процессами, от стремления рационализировать общественную жизнь, выстроить ее по «науке», по социальным проектам и чертежам.

Двойная зависимость человеческого труда и человеческой жизни от машинной техники и бюрократической организации вела к тому, что человек сам превращался как бы в составную часть машины, в ее деталь, в техническую принадлежность. Романо Гвардини в работе под характерным названием «Конец Нового времени» убедительно показал, что приход индустриального общества прервал возникший в Новое время процесс становления и развития индивидуально-личностной субъективности. Вырвавшись из корпоративных пут средневековья, человек стал было обретать социальную автономию, что на языке философии выражалось теорией субъекта познания, на языке политики – идеей гражданских свобод, на обыденном языке – представлением о том, что каждый человеческий индивидуум может и должен развить и проявить себя в своей единственной, лишь ему принадлежащей жизни². Однако дальнейшее развитие цивилизации, базирующейся на машинной индустрии, трансформировало формирующуюся человеческую субъектность в «квази-субъектность», превратило человека в функциональный придаток техники и в деталь социальной машины. Такой человек уже не устремляет свой ум и свою волю на то, чтобы жить самобытной жизнью, самостоятельно полагать ее высшие смыслы и цели. Напротив, он принимает и предметы обихода, и формы жизни такими, какими их навязывают ему рациональное планирование и рациональная организация индустриального общества, и делает это с уверенностью в их разумности³. Свобода внешнего и внутреннего волеизъявления не представляет для него серьезной ценности. Для него естественно встраиваться в организацию, повиноваться ее программам, «бежать от свободы». Промышленный индустриализм порождает трагедийную социокультурную форму личностного бытия человека. «Индустриальный» человек способен к личностному поведению, к автономной социально-нравственной жизнедеятельности. Но эта потенциальная внутренняя способность нереализуема в машиноподобных социальных системах, требующих от человека подчинения, выполнения предустановленных правил, множества команд, безукоснительного следования многочисленным указаниям, обступающим его с момента рождения и до самой смерти. Здесь проявляется онтологическая особенность цивилизации индустриализма: подчиненность деятельности структурам. На методологическом уровне социального познания эта особенность обнаруживает себя в господстве натурализма, в «бессубъективном» подходе к социальной реальности, в уподоблении социальных процессов процессам природы (вспомним хотя бы энгельсовский «параллелограмм сил»).

Социальное познание эпохи индустриализма так или иначе исключает из своего методологического арсенала принцип индивидуальной субъективности, индивидуальной человеческой незаменимости. Духовные процессы при таком взгляде на общество либо вообще элиминируются, либо же рассматриваются утилитарно-

поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке». (Ясперс К. Современная техника. «Новая технократическая волна на Западе». М., 1986, с. 144.)

² Гвардини Р. Конец Нового времени. «Вопросы философии», 1990, № 4. с. 144.

³ См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 545.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

прагматически як інструмент організації таких-то інших, більш важких і значимих для суспільства процесів – економічних, політичних і т. д.

Возникає любопытна епістемологічна ситуація: індустріальна цивілізація як форма бурної соціальної експансії в природну середу і природні процеси змушує естествознавство відмовитися від натуралістическої парадигми і осваивати культуроцентристську програму, т. е. досліджувати природу в контексті культури, втілених в неї людських установок, устремлень і цінностей з урахуванням соціокультурного характеру всіх суб'єкт-об'єктних відносин⁴. Соціальне жє знання, навпаки, утверджується в класических постулатах і вповні до останнього часу зберігає натуралістический принцип, афористично сформульований Е. Дюркгеймом: «Перше і основне правило состоить в тому, що соціальні факти потрібно розглядати як речі»⁵. Парадигма соціального знання, породжена індустріальною цивілізацією для своїх власних практических і ідеологіческих потреб, – це погляд на соціальні процеси як функціонуючі без свідомого участя людини, по своїм законам.

Соціальне знання в рамках індустріальної цивілізації прагне реалізувати себе по нормам і стандартам інженерного мислення. Якщо суспільство – машина, людина – деталь, то соціальне знання в кінчєвому рахунок повинно бути приведено до форми «проект», «технологія», «розрахункова документація» і т. п. Найвищим пафосом соціального знання стає «вимірювання», підкорене рішення соціально-інженерних завдань. Від соціальної науки вимагають тільки одного: конкретних практических рекомендацій, інформації про те, як зробити, як відремонтувати, перебудувати, запустити по-іншому соціальну машину або окремі її вузли або, про дуже великий рахунок, як побудувати іншу, більш сучасну, більш ефективну соціальну машину. І цей соціальний замовлення не викликає сумнівів у багатьох представителів соціальної науки: «Науки про людину і його виховання (антропологія, психологія і педагогіка) повинні дати людськості такі жє точні і надійні методи виправлення ієрархії людини, які дає, наприклад, механіка для усунування перебоїв в роботі машин.

А поки шофер, виправляючий мотор, для представителів вказаних наук є недосяжним методологіческим ідеалом»⁶ (!).

В останній третині ХХ століття індустріальна цивілізація, в основі культурного коду якої лежить принцип «науково обґрунтованої» організації природної і соціальної середу, підходить вповні до меж, за якими людське життя починає піддаватися чудовиським перевантаженням і деформаціям. Одночасно починається процес становлення нових форм суспільного життя, столь жє радикально змінюючих соціальне буття людини, як в своє часу воно було перетворено в процесі переходу від традиційного суспільства до індустріального. Постіндустріальна цивілізація базується не на машинній, а на інформаційній технології. Вона, природно, не відмінює машинну технологію, але ставить її в підкорене технології отримання, обробки, зберігання, множення, поширення інформації. Це змінює як виробничий базис суспільства, так і принципи його соціокультурного структурування. Жива праця не тільки починає переважає над овеществлєним, але і потерпає глибокі якісні зміни, все більше отримує рис «загальнонаукового праця», «творчєского праця».

⁴ См. Федотова В. Г. *Понимание в системе методологических средств современной науки. «Объяснение и понимание в научном познании»*. М., 1983.

⁵ Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991, с. 421.

⁶ Тугаринов В. П. *О ценностях жизни и культуры*. М., 1960, с. 74.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Становление постиндустриальной цивилизации означает переход ведущей роли от материально-вещественных элементов производства к духовно-идеальным, от овеществленного труда к живому. Последний же, по мнению некоторых последователей, вообще перестает быть производственным трудом и превращается в принципиально иной вид деятельности. Этот процесс протекает на фоне децентрализации, «рассеивания» собственности как в традиционных, так и в передовых секторах экономики. Рост технологического обобществления производства, как это ни парадоксально, сопряжен с ростом организационной и управленческой децентрализации, и эти противоположные тенденции представляют собой, видимо, две взаимосвязанные стороны одного процесса – перехода от частичного работника-исполнителя к работнику-творцу, субъекту всеобщего труда, если продолжать пользоваться марксовской терминологией. Логика развития индустриальной экономики ведет к упразднению многообразия, к гомогенизации всех сфер и сторон производства. Логика экономики постиндустриальной диктует обратное направление развития – от единообразия, стандартизации и унификации к развитию многообразия всех форм общественной жизни. Тем самым изменяются принципы и способы включения человека в производственные процессы, в структуры общественной жизни вообще.

Развитие и обогащение человеческого интеллекта, творческой энергии, духовно-нравственных сил становятся «мерой всех социальных вещей», фундаментальным условием производства и воспроизводства общественной целостности. Вхождение в постиндустриальную фазу цивилизационного развития связано с глубокой трансформацией социальных форм индивидуального человеческого существования. Социально-ролевой способ индивидуальной человеческой жизнедеятельности, подчиняющий личность функциональным императивам общественных структур, постепенно уходит в прошлое. Из элемента, детали, «винтика» социальной машины, деперсонализированного агента социально-институциональных действий человек превращается в реального субъекта своей жизни. Происходит перестройка механизмов социокультурной идентификации личности. Разрушаются традиционные социально-групповые структуры, происходит «отрыв» от них индивидов, сопровождающийся не только возрастанием ощущения личной свободы, но и нередко острым психологическим дискомфортом, ностальгией по былой «групповой принадлежности», чувством одиночества. Распад характерных для индустриального общества систем внешней детерминаций жизнедеятельности личности (технологической, экономической, культурной, психологической и др.) не просто ослабляет ее зависимость от социокультурной среды. Он означает большее – возникновение обратных линий детерминации: зависимость социальных структур от состояния духовного мира личности, от процессов, протекающих в ее сознании и психике, ее духовного самочувствия, мироощущения

Поворот от детерминационного приоритета социальных структур над человеческой индивидуальной жизнедеятельностью к возрастанию роли личности в их функционировании означает, по существу, преобразование социальной реальности в легкоизменяемую, труднодоступную для однозначного моделирования и прогнозирования⁷. Многие ее характеристики позволяют понять модель И. Пригожина («порядок через флуктуацию») и включить в фундаментальную мировоззренческую картину социального мира такие черты, как разупорядоченность, неустойчивость,

⁷ Как бы предугадывая эту тенденцию, Н. Бердяев писал: «Сейчас мир пришел в жидкое состояние, в обществах нет твердых тел, всякое органическое единство нарушено, и жизнь в этом мире становится все более и более трудной и небезопасной». См. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. «Новый мир», 1990, №1, с.229.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

неравновесность, спонтанность и т.п.⁸. Новая социальная реальность порождает новые механизмы человеческого взаимодействия и общения, принципиально видоизменяет взаимоотношение личности и социума и вызывает к жизни новую методологию социального познания, новые способы применения его результатов.

Социальное познание претерпело серьезные парадигмальные изменения в рамках индустриальной эпохи – прошло путь от классических форм к неклассическим, от натурцентристских исследовательских программ к культурцентристским⁹. Противоречие классики и неклассики, натурцентризма и культурцентризма – пружина, энергично двигавшая развитие методологического знания в эпоху позднего индустриализма. Но сейчас эта пружина резко ослабла, так как новая социальная реальность ставит под серьезное сомнение общую основу и классики, и неклассики – «естественную установку»¹⁰. Несмотря на острые конфронтации натурализма и антинатурализма, сциентизма и антисциентизма, общество рассматривается ими гиперсоциально, как внешнее пространство человеческой жизни, как «дом человека», который может быть более или менее удобным, тесным или просторным, но все же является внешним его обиталищем. А если это так, то конечная задача социального познания – искать, измерять, исследовать внешние по отношению к человеку параметры социальной жизни, разрабатывать «чертежи» ее строительства или перестройки. Такое понимание задач социального познания – часть общего «индустриального умонастроения», разделяемого и консерваторами, и демократами; и радикалами, и либералами; и правыми, и левыми.

В индустриальную эпоху целостность общества обеспечивалась ценностным консенсусом, вырабатывавшимся на уровне специализированного духовного производства, структурированного «игрой» социально-классовых, корпоративных, групповых интересов. В постиндустриальном обществе целостность общества – это целостность «диссипативных структур» (Пригожин), целостность самоорганизации. Она во многом идет от индивидуальных проявлений человеческого сознания и поведения и потому причудлива, плохо предсказуема и плохо замкнута на стабильные интересы социальных групп, общностей. Вот почему так резко возрастает сегодня интерес социального познания не к социально-массовым явлениям, а к явлениям личностно-индивидуальным, духовно-уникальным. Фокус познания смещается с социальных структур и наводится на человеческую индивидуальность, на субъектность социальных общностей, групп, но прежде всего – на субъектность личностей. Конечно, современное общество по-прежнему социоцентрично и стремится подчинить жизнь человека функциональным императивам безличностных структур и институтов. Но оно стремительно движется к антропоцентричности, к состоянию, в котором социальные процессы, структуры общественной жизни вырастают из самого человека и замыкаются на нем, где вся *социальная вселенная вращается вокруг человека*. Идея такого антропоцентризма выражается в признании приоритета интересов, прав и свобод не нации, не государства, не группы, а суверенной человеческой личности. Этот принцип смог войти в современное политическое, правовое и нравственное мышление только потому, что он отражает глубокие изменения в социальной реальности

⁸ См. Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок и хаос*. М., 1986, с. 20.

⁹ См. Федотова В. Г. *Практическое и духовное освоение действительности*. М., 1991, с. 41.

¹⁰ «Естественная установка», согласно феноменологической социологии, – *наивная точка зрения, принимающая на веру самостоятельное существование внешнего социального мира, внешнеположенного мира «общих» значений, обуславливающих социальный порядок*. См. *Новые направления в социологической теории*. М., 1978, с. 56–57.

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Целостность постиндустриального общества обеспечивается ценностным «консенсусом, создаваемым межличностным взаимодействием, вырастающим в повседневном человеческом общении, в выработке согласия по поводу того, как следует поступать, решая проблемы повседневного человеческого существования».

Не случайно повседневность человеческой жизни превращается сейчас в ключевую категорию социального анализа. Общение на уровне повседневности – сложнейший процесс; он не может быть проанализирован в рамках традиционной методологической схемы, согласно которой ментальные структуры повседневности – всего лишь снятая форма специализированного духовного производства, поддерживающего типовые стандарты социального поведения. Постиндустриальное общество демассифицирует духовную сферу делает ее мозаичной, дробит повседневность на множество «жизненных миров», погруженность в которые может быть никак не связана с социально-статусной принадлежностью человека. Каждый «жизненный мир» заставляет человека строить свое повседневное общение с другими людьми не по императивам социально-классовой групповой принадлежности, а по своеобразию личностного менталитета.

Автономный в социально-структурном отношении человек все-таки обретает связь с социальным целым, но связь, действующую по каким-то особым принципам. Понять эту связь, видимо, можно, исследуя механизмы согласования и взаимодействия «жизненных миров». Являются ли они «монадами» или открыты друг другу? На границах этих миров возможны конфликты, столкновения по любым основаниям – этническим, политическим, нравственным, за которыми уже далеко не всегда стоят социальные, классовые и т. п. интересы, а весьма часто – несовместимость ценностей, менталитетов. Отсюда и растущий интерес к феноменологическому стилю социального познания, выросшему из критики объективирующих методов, эксплицитно представленных в натурализме, но имплицитно присутствующих и в теориях, относимых к культурцентристской парадигме.

Феноменологическая социология традиционно выступила альтернативной формой социального мышления, но несколько преждевременной, поскольку индустриальная социальная реальность, на описание которой она претендовала и внутри которой возникла, все-таки конституировалась не повседневностью, а «машинной» рациональностью. И поэтому, попытки применить феноменологический стиль теоретизирования к ее анализу были неэффективны и оставляли всего лишь впечатление «неформального поведения» в сообществе социальных ученых. Однако другой смысл и методологический оттенок этот стиль приобретает, когда речь идет о становлении постиндустриальной социальной реальности и постмодернистской культуры. Французский философ Ж.-Ф. Леотар, размышляя об изменившихся условиях познания в наиболее развитых странах, сформулировал рабочую гипотезу, статус знания изменяется по мере вступления общества в то, что известно под названием «постиндустриальная эпоха», и по мере вступления культуры в то, что известно под названием «эпоха постмодерна»¹¹. Изменяется не только социальная, но и культурная среда человеческой жизнедеятельности. Вместо монолитной, гомогенной в ценностном отношении культуры перед ним возникает множество сосуществующих друг с другом культурноценностных миров. Демассифицирование информационной среды, плюрализация идеологической жизни предьявляет индивиду не одну, или несколько, а огромное множество ценностных систем. В новом социуме, пишет В. Библер, возникает особая культурная ситуация: в одном «пространстве» сознания «толпятся»

¹¹ Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Theory and History of Literature*, vol. 10. Manchester, University Press, 1989, p.3.

ФИЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

различные духовно-культурные спектры. Восточный спектр ценностей, западный спектр ценностей, средневековый, христианский, нововременной, просвещенческий и возрожденческий смыслы бытия сосуществуют в диалогическом общении людей, в повседневном сознании каждого современного человека¹². Культура постмодерна – не отрицание какой-то определенной традиции в пользу новой. Это отрицание традиции как таковой, делающее бессмысленными понятия «канон» и «ересь». Если модернизм, даже самый авангардный, стремился воспроизвести, отразить реальность, поскольку был убежден в том, что она существует вне и помимо него, то постмодернизм отрицает и этот смысл реальности, и способ ее познания. За этим стоит вполне определенная философская позиция: мир – не нечто единое, но нечто множественное, и задача исследователя состоит в том, чтобы идентифицировать какое-то одно из равноправных и равноценных его состояний, заведомо зная, что никакое углубление в него не приведет к открытию и обоснованию всеобщей универсальной истины.

Становление новой социальной реальности требует не простого уточнения или дополнения частных методологических подходов, но преобразования общей парадигмы социального познания, создания исследовательской программы, ориентирующей ученого на: 1) пересмотр фундаментальных теоретических представлений о человеке как продукте социальной среды и принятых в ней культурных моделей поведения; 2) анализ механизмов свободного ценностного самоопределения индивида как условия социальной целостности; 3) признание плюрализма культурных миров и преодоление всех форм локального культурцентризма; 4) исследование человеческой активности в поле действия общечеловеческих культурных императивов; 5) изучение антропогенных факторов организации социальных процессов, конкретных форм и структур общественной жизни; 6) проникновение в микромир повседневности и в механизмы его взаимодействия с социально-групповыми, социетальными и мегасоциумными структурами общественных отношений; 7) гуманитарную экспертизу экономических, социально-политических, социально-правовых и других проектов и программ.

Социальное познание индустриальной эпохи направлено на то, чтобы исследовать параметры социальной машины и способствовать ее бесперебойному санкционированию. В период позднего индустриализма приходит осознание того, что эту машину можно использовать в разных режимах, в зависимости от того, каким целям ее функционирования отдавать предпочтение. Основной задачей познания остается разработка технологии деятельности, совокупности конкретных приемов, методов изменения рационально организованной социальной реальности. Сохранится ли эта задача в постиндустриальном обществе, которое, как мы пытались показать выше, теряет всякое сходство с подлежащим рациональному упорядочению механизмом? Человек – и это очевидно – не откажется от попыток воздействовать на ход социальных процессов, опираясь на результаты социального познания. Но это познание, для того чтобы играть конструктивную роль в постиндустриальном мире, должно отказаться от инженерного, технократического пафоса и отдать предпочтение герменевтическим интенциям, пристально взглянуть в неизведанные глубины самоопределяющейся человеческой духовности. В обществе, члены которого «отрываются» от социальных групп, «атомизируются» и оказываются в разных «жизненных мирах», главным механизмом поддержания социальной целостности выступают не рациональное разделение труда, а общение, коммуникация, взаимопонимание. Можно поэтому предсказать падение в социальных науках интереса к «жестким», объективирующим, овеществляющим социальную реальность методам,

¹² См. *Диалог и коммуникация – философские проблемы (материалы «круглого стола»)*. «Вопросы философии», 1989, № 7, с. 7.

ФЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

причем не только в социологии и психологии, но и в политических, правовых и экономических науках. Отнюдь не случайно многие экономисты стали писать о том, что чисто экономического решения социальных проблем более не существует, что нужен синтез экономической науки с философией, культурологией, психологией, т. е. с «науками о духе».

Потребность в «гибких» методах социального познания возникает тогда, когда оно встречается с объектами, не поддающимися формализации, или тогда, когда становится ясным, что формализованное описание объекта лишено как теоретического, так и практического смысла. Так, все попытки формализованного социологического описания духовного мира людей, сознания при их внимательном рассмотрении обнаруживают явную неадекватность и условность, ибо они предполагают насильственное и часто произвольное втискивание бесконечно сложных и богатых по своему содержанию, изменчивых духовно-нравственных, эмоциональных состояний в шкалы, конструируемые из пяти-шести, пусть даже десяти значений. Подобное изучение и описание субъективного ценностно-смыслового аспекта деятельности были недостаточными для анализа десубъективизированных социальных систем индустриального общества. Превращение же сознания вообще и индивидуального сознания в частности в определяющий фактор общественной жизни объективно ведет к поиску и широкому использованию таких средств исследования, которые не связаны с дальнейшим усилением формализации, квантификации, математизации, алгоритмизации и т. п. методов. С описания среднестатистических тенденций духовной жизни и со сколь угодно изощренного оперирования ее формализованными характеристиками акцент переносится на проникновение в феноменологические глубины сознания, на погружение в «жизненные миры» и ментальные структуры повседневности. Необходимые для этого методологические подходы и соответствующие им методики в течение вот уже полутора столетий накапливались и в социальном познании, однако, не столько в качестве практически востребованных познавательных инструментов, сколько в качестве «духовного сопротивления» технократическому мировоззрению индустриализма. Среди них, например, *герменевтический подход* и понимание как один из центральных его моментов. Ставя вопрос о процедурах постижения смысловых структур человеческой жизни, герменевтика сосредоточивается на разного рода субъективных формах выражения общественной практики, расшифровывает представленные в них ценности, нормы, идеалы, верования и т. д. Она дает возможность увидеть те аспекты и связи объективного и субъективного, личностного и надличностного, которые ускользают от объективирующих, «объясняющих» методик.

Помимо герменевтики особое значение в постнеклассической науке приобретает *биографический метод*, известный с начала века, но тем не менее чрезвычайно редко применяемый сегодня, например, в социологии. Биографический метод, построенный на изучении дневников, личной переписки, автобиографий, мемуаров, исповедей, на интимных интервью, служит более глубокому уяснению и осмыслению субъективных смыслов, мотивов, интенций, ценностных оснований человеческого поведения. Попытки формализовать подобную информацию с помощью контент-анализа пока особых успехов не принесли. Зато герменевтические процедуры позволяют превратить биографический метод в важнейшее средство реконструкции и анализа духовных состояний современного общества¹³.

В свете постнеклассического подхода человеческие ценности перестают быть только объектом научного анализа, но сами превращаются в основу исследовательских

¹³ См. Morra Gianfranco. *Enneutica e sociologia*. Roma, 1991, pp. 16-20.

программ, в методологічну передумову вивчення багатьох важливих аспектів сучасної соціальної реальності. Так, ряд структурних порушень і кризових станів соціальної життя можуть бути адекватно досліджені і правильно зрозуміті за допомогою *методу ціннісного осмислення природи і характеру конкретних руйнувань*. Це, наприклад, чітко видно при аналізі таких специфічних об'єктів соціологічного пізнання, як конфлікти, особливо в умовах соціальної нестабільності. «Нормальні», традиційні теорії конфлікту (розглядають його з точки зору боротьби за інтереси, ресурси, владу і т. п.) не спрацюють тут через домінування в конфлікті «ментальних причин, лежачих цілком в сфері ціннісного свідомості».

З позицій нової стратегії пізнання активність суб'єкта – не перешкода для вимірювання соціальної реальності, а, навпаки, її найважливіша передумова. «Основний аргумент на користь однієї чи іншої методики, – пише В. Моін, – стосується не кількісних показників стійкості, а уявлення самого дослідника про природу соціальної реальності, вимірюваної за допомогою цієї методики... Це суцільно особистий процес, при якому повністю відкидається науковий камуфляж «об'єктивності». Досліднику надається повна свобода, він може вибирати будь-яку методику, навіть найменш надійну з точки зору традиційних показників точності, стійкості, валидності. Основний прийом при виборі методики – не порівняльний аналіз показників надійності, а умовний експеримент, припущення про можливі способи інтерпретації вихідних даних або їх соціальної і соціально-психологічної умовленості; ексplikація теоретичних і побутових уявлень дослідника, обґрунтування включення вихідних даних в той чи інший інтерпретаційний контекст»¹⁴.

Застосування «гнучких» методів зближує наукове соціальне пізнання з різними ненауковими його формами. Уже зараз нерідко трапляються ситуації, коли роботи письменників, публіцистів, критиків, журналістів, кінематографістів більш точно і глибоко відкривають сутність того, що відбувається навколо нас і з нами в сучасному соціальному світі. Виникає найскладніша методологічна проблема співвідношення «жестких» і «гнучких» методів, наукових і ненаукових підходів, використання в цілях соціального пізнання таких засобів, як соціально-гуманітарні експертизи і діагностики, ситуаційні аналізи, ролеві і імітаційні ігри.

Соціальним наукам, таким чином, належить, очевидно, пережити не тільки фундаментальну методологічну революцію, але й серйозно переглянути свій методичний арсенал для адекватного досягнення цілей діяльності і спілкування сучасної людини.

¹⁴ Моін В. Б. Дві стратегії вимірювання. «Соціологічні дослідження», 1989, № 6, с. 116.